
КРУГ МЕРЕЖКОВСКИХ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-229-242

УДК 821.161.1

Письмо Д.В. Философова к Т.Н. Гиппиус

(Из комментариев к письмам-дневникам Т.Н. Гиппиус 1906–1908 гг.)*

© 2020, М.М. Павлова

Аннотация: Публикация вводит в научный оборот неизвестное письмо Д.В. Философова к Татьяне Николаевне Гиппиус (1877–1957) из архива Мережковских, хранящегося в Русском центре Амхерста (США, Массачусетс). Документ относится к периоду парижской эмиграции Мережковских и Философова 1906–1908 гг., являясь фрагментом обширной семейной переписки тех лет, в которой на правах члена семьи участвовал Философов. Основной массив сохранившейся корреспонденции составляют так называемые «дневники» Т.Н. Гиппиус (ее почти ежедневные письма-отчеты в Париж), в которых прослеживается хроника внутренней жизни неохристианской коммуны Мережковских. Обратная корреспонденция утрачена, за единичными исключениями. Письмо Философова к Т. Гиппиус фиксирует примечательный факт эпистолярного диалога и взаимоотношений корреспондентов, содержит реальный комментарий к ряду сюжетов писем-дневников, вносит новые дополнительные штрихи в картину парижской жизни Мережковских и Философова 1906–1908 гг.

Ключевые слова: Т.Н. Гиппиус, Д.В. Философов, Мережковские, письма-дневники, неохристианская коммуна.

Информация об авторе: Маргарита Михайловна Павлова, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: mpavlova@gmail.com

Цитирование: Павлова М.М. Письмо Д.В. Философова к Т.Н. Гиппиус (Из комментариев к письмам-дневникам Т.Н. Гиппиус 1906–1908 гг.) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 229–242. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-229-242

---

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ (№ 19-012-00188)

Письмо Дмитрия Владимировича Философова к Татьяне Николаевне Гиппиус¹, хранящееся в архиве Мережковских в Центре русской культуры Амхерста (США, Массачусетс), является «осколком» обширной внутрисемейной переписки периода их первой парижской эмиграции (1906–1908)². В эти годы Философов, соединенный с Мережковскими единой религиозной жизнью, духовной близостью и общим бытом, фактически стал членом их семьи.

Большую часть сохранившейся семейной корреспонденции этих лет составляют так называемые «дневники» Т.Н. Гиппиус (почти ежедневные письма-отчеты в Париж)³, адресованные З.Н. Гиппиус, но предназначенные для всего «тройственного союза». Параллельно она вела личную переписку с Д.С. Мережковским и Философовым⁴.

Обратные письма утрачены или до настоящего времени не обнаружены, хотя, как явствует из «дневников», переписка была весьма интенсивной. Мы располагаем лишь двумя ответными посланиями З. Гиппиус (1906)⁵ и единственным письмом Философова (1906), что само по себе заслуживает внимания в контексте взаимоотношений сторон и истории неохристианской общины Мережковских⁶.

Неформальное знакомство Философова с Т. Гиппиус, по-видимому, состоялось в начале 1904 г., когда сестры Зинаиды Николаевны после смерти матери⁷ переехали в квартиру Мережковских в дом Мурузи и присоединились к их богослужениям в домашней церкви. Время от времени в них принимал участие Философов. В дневнике

---

¹ Татьяна Николаевна Гиппиус (1877–1957) — одна из трех младших сестер З.Н. Гиппиус; художница, книжный иллюстратор, в 1901–1910 гг. обучалась в Высшем художественном училище при Императорской Академии художеств. Наиболее полные сведения и библиографию работ о ней см.: Павлова М.М. Материалы к творческой биографии Т.Н. Гиппиус. (По «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 109–144.

² Обстоятельства отъезда из России и пребывания Мережковских и Философова в Париже изложены в работе А.Л. Соболева «Мережковские в Париже (1906–1908)» (Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.: СПб., 1992. С. 319–371) и во вступ. статье в кн.: *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция* / Под ред. М.А. Колерова; вступ. статья М.М.Павловой; пер. с фр. О.В. Эдельман; подгот. текста Н.В. Самовер. М., 1999. С. 7–62.

³ Amherst Center for Russian Culture. Merezhkovsky's Papers. Box 2. Folder 16–40. Далее ссылки на архивные материалы данного фонда приводятся в тексте сокращенно: *Amherst*, с указанием номера коробки и папки.

⁴ Там же. Box 4. Folder 23, 24; Box 6. Folder 17.

⁵ Там же. Box 3. Folder 92; Halperine-Kaminsky and Contemporary Collection. Box 2. Folder 98. Публикация сдана в печать.

⁶ См.: Павлова М.М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статьи 1, 2 // Русская литература. 2017. № 3. С. 222–242; № 4. С. 166–194.

⁷ Анастасия Васильевна Гиппиус (урожд. Степанова; 1849–1903).

«О Бывшем» З. Гиппиус вспоминала: «После смерти мамы моей стала явной близость наша с Димой. Наша любовь. Тата тоже подошла к нам в Главном, и Ната, хотя меньше. Наши первые четверги были вместе, в маленькой квартирке. Тихие “вечери любви”, молитвы и белое вино, виноград, хлеб»⁸.

В ту пору Т. Гиппиус, студентка Высшего художественного училища при Академии художеств, еще никак не проявила себя на избранном поприще. В кругу петербургской литературно-художественной элиты ее заметили, главным образом, благодаря принадлежности к писательской семье, позднее — как подающую надежды рисовальщицу⁹.

Находясь во власти религиозных идей Мережковских, Татьяна стала искренней и преданной подвижницей «нового религиозного сознания», церкви их толка и неохристианской общины («Главного») ¹⁰, взяв на себя попечение о младшем «гнезде» (в него входили А.В. Карташев, Н.Н. Гиппиус, В.В. Кузнецов, С.П. Ремизова, первоначально — Андрей Белый)¹¹.

Авторитет старших (Мережковских и Философова) был для нее непререкаемым, она неукоснительно следовала их императивам, зачастую жертвуя собственными интересами, прежде всего занятиями живописью. В июле 1907 г. Карташев, встревоженный настойчивым стремлением Татьяны ехать в Париж (для «Главного»), писал З. Гиппиус: «Тата предана вам с той беззаветностью, безусловной единственностью, на какую способна только женщина. <...> Она только вами и дышит. Без вас для нее нет жизни. Вы ее и без того уже отняли у нас. <...> У вас она в смысле полноты жизни на положении младшей, маленькой и привыкает этим довольствоваться. Вы ее

⁸ Гиппиус З. О Бывшем // Гиппиус З. Дневники: В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1999. С. 132.

⁹ Подробнее см.: Павлова М.М. Материалы к творческой биографии Т.Н. Гиппиус (По «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1. С. 109–144.

¹⁰ См.: Пахмус Т.А. Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 70–101.

¹¹ Антон Владимирович Карташев (1875–1960) — историк церкви, приват-доцент Санкт-Петербургской духовной академии, публицист по церковным вопросам, один из руководителей Религиозно-философского общества в Петербурге (1907–1917), министр исповеданий Временного правительства. Наталья Николаевна Гиппиус (1880–1963) — младшая из сестер Гиппиус, скульптор; в 1903–1912 гг. обучалась в Высшем художественном училище при Академии Художеств в мастерской В. А. Беклемишева. Василий Васильевич Кузнецов (1881–1923) — скульптор; в 1901–1905 гг. обучался в Высшей художественной школе при Императорской Академии художеств в мастерской В.А. Беклемишева. Серафима Павловна Ремизова (урожд. Довгелло; 1876–1943) — палеограф, переводчица, жена А.М. Ремизова. Подробнее см. в нашей статье, указанной в примеч. 6 (Статья 1).

этим консервируете. <...> Я помню, когда вы уехали — Тата была как бы во сне, жила только вами, мы были для нее только видениями, необходимыми для полноты ее внутренних переживаний, *плотски, кровно*, отданных всецело вам. Жутко было и безотраднo. Холодно, жить нельзя. Вы хотите снова загипнотизировать ее»¹².

После отъезда «тройственного союза» во Францию каждый, по общему уговору, должен был вести переписку с каждым. В амхерстском архиве, помимо «дневников» Татьяны, сохранились отдельные письма Карташева, Кузнецова и Н. Гиппиус, адресованные Философову, Мережковскому и З. Гиппиус, в которых они рассказывают о повседневных заботах (личных и общинных), формулируют волновавшие их вопросы: об аскетизме и христианском «поле», христианском браке, сохранении евхаристического общения с исторической церковью, о специфике соединения художественного и литературного творчества с их «общим делом» («Главным»).

Письма прочитывались всеми со-общинниками по кругу (в Париже и в Петербурге). Непрерывность общения (молитвенного и эпистолярного) мыслилась старшей Гиппиус как дело связи каждого с каждым и всех со всеми — соединение в единый духовный организм, созидание тела новой церкви.

Переписка Т. Гиппиус с Философовым 1906–1908 гг. была частью их «общего дела». Письма «Димочке» (так обычно обращались к нему Мережковские) по содержанию часто дублируют или дополняют «дневники», но есть в них и специфические струны, которые отсутствуют в письмах-отчетах сестре: стеснительность, смущение перед аристократизмом Философова, мотивы самоуничтожения и самобичевания, признание собственной интеллектуальной и творческой несостоятельности; наконец, обида на него за равнодушие к проблемам младшего «гнезда» и, в противовес, агрессивная защита их «общего дела», которое, как ей казалось, в практическом смысле оставалось у Философова на периферии его личных интересов.

В свою очередь он воспринимал ее как инфантильного недоросля, вечную ученицу, которая хочет во всем походить на старшую сестру («как Зина»), не имея на то серьезных оснований, прежде всего должного интеллектуального багажа. Впрочем, и вся затея с их неохристианской коммуной (младшим «гнездом») представлялась ему бесплодной.

¹² Письма А.В. Карташева к З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковскому и Д.В. Философову // *Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. Из переписки З.Н. Гиппиус. München, 1972. С. 692.

Т. Гиппиус относилась к Философову как к одному из трех «иерархов» их новой церкви и, вместе с тем, испытывала страх перед ним — авторитетным художественным критиком, который ничуть не скрывал иронического, а то и презрительного отношения к ее занятиям живописью, подсмеивался над «провинциальностью» вкуса, порицал за отсутствие подлинной страсти к искусству. Его прямые и резкие суждения не могли не вызывать у нее болезненной рефлексии.

В своих «дневниках» она нередко жаловалась сестре на Философова, не желавшего вникать в сложность ее положения — «раздирающие» между живописью и «Главным». 13 ноября 1906 г. она писала: «Не справедлив и Димочка, когда судит о степени бездарности по результатам. Результаты ничтожны так, что думаем, не бросить ли? Димочка меня толкает в безнадежность, оттого я и протестую. И без него сомневаюсь, — могу ли я сделать (и не “что-нибудь”, а такое, чтоб мир перевернуть). Для этого нужно иметь веру в то, что можешь идти и верить, а тут надежда, доказательств нет, и Димочка печать кладет: значит, ты никуда»¹³; 20 декабря: «Заниматься искусством, изучать, смотреть, время тратить на заботу об этом только, ни о чем больше не заботиться, не мучиться, кроме этого, работать. Поехать куда-нибудь, в Ярославль, — для этого же. Любовь свою к искусству не растрчивать, не направлять в другое русло, в Главное. <...> Вот так бы жить, как Дмитрий <Мережковский. — М.П.> жизнь прожил в работе и всё для нее. Даже людей презирать хорошо, зато дело сделаешь и людей подвигнешь. <...> Димочка что мне советовал бы? Налечь на рисование, бросить всё безбоязненно, и я буду права? Пусть благословит, — всё брошу, что бросится! Во имя Главного — Главное брошу! Еще что советует? Учиться? Все брошу, во имя Главного брошу, и буду учиться! Пусть благословит. Но тогда не могу думать ни о вопросах, ни о Главном, ни о четвергах, ни о субботах»¹⁴ <...> То есть думать отвлеченно — да, но не мучиться, не жить, а как Бердяев¹⁵. Зато буду в Публичную библиотеку ходить, зато буду

¹³ *Amherst*. Box 2. Folder 26.

¹⁴ Службы и совместные моления в младшем «гнезде» обычно совершались по четвергам и субботам и соответственно назывались Четвергами и Субботами.

¹⁵ О взаимоотношениях Мережковских и Философова с Н.А. Бердяевым, которого они хотели видеть своим со-молитвенником, членом общины, см.: Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 9. Paris, 1990. С. 294–325; Новые материалы из амхерстского архива Мережковских. 1. Из неизданной переписки Н.А. Бердяева и Д.В. Философова 1906–1907 годов / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // *Русская литература*. 2020. № 4 (в печати); 2. Н.А. Бердяев в «дневниках» Т.Н. Гиппиус (1906–1908) / Подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // *Русская литература*. 2021. № 2 (сдано в печать).

до 10 ч. в академической библиотеке сидеть, зато буду в 12 ч. спать ложиться, бодро работать с утра, не нервничать»¹⁶.

Следует заметить, что со временем Философов, оценивший редкие человеческие достоинства Т. Гиппиус — искренность и прямо-ту¹⁷, преданность семье и их религиозному творчеству, — ничуть не смягчил своего отношения к ее художественным занятиям (в 1910 г. она закончила обучение и получила звание «свободного художника»). 12 (24) января 1912 г. он писал ей: «Вы абсолютно лишены способности разбираться, где косная обывательщина и где делается *история*. Вы даже не нюхали, где *делается* история русского искусства. <...> если *миро-искусники* для вас до сих пор “кучка”, то честнее совершенно отказаться от искусства и откровенно сделаться ремесленницей. <...> Вы искусства не любите, оно вам абсолютно чуждо. Вы любите *всех* униженных и оскорбленных. Это очень *свято*, но с искусством ничего общего не имеет. Вы *не* художник»¹⁸.

Публикуемое письмо Философова от 26 декабря 1906 г. (8 января 1907 г.) является ответом на адресованную ему страничку в «дневнике» Т. Гиппиус от 18–21 декабря (см. примечания к публикации). Наиболее ценная и существенная часть этого текста — доверительный рассказ Философова о совместной с Мережковскими жизни в Париже, о его самоощущении в их «тройственном союзе». Особого внимания заслуживают размышления по поводу разногласий, возникших между ним и Мережковскими на почве его сексуальной идентичности и различной трактовки христианского «пола» в новой церкви.

Письмо оборвано, вероятно, его последняя страница затерялась, но и в сохранившейся части оно является примечательным свидетельством эпистолярного диалога корреспондентов и вносит дополнительные штрихи в картину парижской жизни Мережковских 1906–1908 гг.¹⁹

Текст письма воспроизводится по автографу: Amherst Center for Russian Culture. Merezhkovsky's Papers. Box 6. Folder 50; орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной

¹⁶ *Amherst*. Box 2. Folder 27.

¹⁷ История взаимоотношений Философова и Т. Гиппиус прослеживается в их переписке позднейшего времени (1910–1919): ОР РНБ. Ф. 481. № 175–181; Ф. 814. № 47.

¹⁸ *Пахмусс Т.А.* Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова и близких к ним в «Главном». С. 88.

¹⁹ См.: *Гиппиус З.* Собр. соч. Т. 16: Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь и работа / Предисл., подгот. текста и коммент. Р.А. Городницкого и А.И. Серкова. М., 2019. С. 152–210; впервые (с купюрами): *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-PRESS, 1951. С. 153–181; *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже (1906–1908). С. 319–371; *Павлова М.М.* Мученики великого религиозного процесса // *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция. С. 7–54.

грамматической нормой. В примечаниях использованы фрагменты «дневников» Т. Гиппиус; авторское написание фамилии А.В. Карташева — *Карташов* — сохраняется.

Приношу благодарность профессору Стэнли Рабиновичу, профессору Майклу Кунитику и сотрудникам Центра русской культуры Амхерста за содействие в работе.

Д.В. Философов — Т.Н. Гиппиус

26 Дек. 06 / 8 Янв. <1907>

Тата, дорогая.

- 1) Я виноват, что не написал Даше¹.
- 2) Мы виноваты, что «мало заботимся о вас»².

Я не писал Даше не только потому, что вообще ленив на письма. Мне как-то не хотелось импонировать Дашеньке своими «жилетами». Затем решил, что напишу ей на новый год, и т.д. и т.д. Если найдете нужным, передайте ей мое прилагаемое письмо. Думаю, что мое письмо не помогло бы. Всё равно кончилось бы тем же. Но все-таки простите, и мне было как-то стыдно сегодня получить из вашего письма к Зине отдельную страничку, адресованную мне³. Я же вас обидел, а вы извиняетесь.

А что мало мы заботимся о вас — это, пожалуй, неверно. В чем и как выразить нашу заботу? Вы скажете, чаще писать. Но как писать? Что писать? Мне как-то всегда казалось, что излишняя заботливость вредна. Потому я думал, что и наш отъезд вам полезен. Коли надо было выйти из ампулы «сестры Зинаиды Николаевны», и здесь вы сделали бесконечно много. Читая ваши последние письма, мы всё время радовались. Как вы (Тата) окрепли, сколько в вас самостоятельной, независимой силы. Чувствуется, что вы *в движении*, в постоянном движении, и что вы *не в зависимости* от нас, а *в свободной связи* с нами. Это нас страшно укрепляло, радовало.

Параллель, которую вы проводили между мною и Натой⁴ — очень глубока⁵. Год тому назад, когда вы меня видели чуть не каждый день, вы бы ее не сделали, не сумели бы сделать. А теперь ваш взор стал яснее. Вы невероятно углубились, предоставленная самой себе, вы мощно стали завоевывать себя и ясно чувствуете тот громадный путь, который вы прошли за этот год. Зину же, в конце концов, вы не можете упрекнуть

в отсутствии заботливости. Здесь виноваты больше я и Дмитрий. Но, кажется, издали наше житье-бытье вам представляется совсем другим, чем оно есть на самом деле. Мы освободились «от людей и от вещей»⁶. Но не думайте, что эта свобода легка. Когда внешняя жизнь запутывает, то есть извинения. Вот, мол, кабы то да не это, я бы был совсем другой. Но вот, ни то да ни это нам не мешает, мы одни, свободны, удалены от всего внешнего, и порой начинается отчаяние. Кажется, что ничего не делаешь, что ответственность увеличилась до последнего предела, и руки порою опускаются. Дмитрий всё смеется, что мы, как в «Бесах», на одной соломе лежали и возненавидели друг друга⁷. Мы почти нигде не бываем, никого не выдаем. Мысли, ощущения утончились до крайностей, и порой кажется, что метафизика заела физику. За это последнее время я очень, да и все мы измучились одной крайне важной для меня метафизической драмой. Вы, конечно, представляете себе, что половой вопрос у нас дебатировался. Как-то это началось еще с Натиных писем, о стариках с травой⁸. Говорили об аскетизме и различии между эмпирическим и метафизическим аскетизмом. Дмитрий встал, по-моему, на очень удобную для него точку зрения, что, мол, главное — правильная метафизика. В ней надо сговориться, а потом уж отдельные <?> грехи тогда не к смерти. Мой же озлобленный аскетизм, без метафизич<еского> его отрицания, величайший грех и т.д. Я, Димочка, должен признать, что метафизически пол допускаем лишь как соединение муж<чины> с женщ<иной>. Я должен признать только это соединение допустимым и стремиться к нему. Если же я этого не признаю, то, значит, у меня нет веры, я не верю в чудо и т.д.

Я возражал, что всякую метафизику подписать очень легко, но если она не войдет в плоть и кровь, то цена этой подписи грош и делается просто самооправданием. Как будто то, что Дмитрий согласен со мной в *метафизике* общественности, что-нибудь меняет? Как бы мы в метафизике ни сходились, — мы по существу совершенно разное относимся к общественности, и Дмитрию гораздо легче ввести в себя новую *обществ<енную>* метафизику, чем мне в <себя> половую. Потому что ему не надо для этого перевертывать вверх дном свою физиологию, как мне. Я, конечно, передаю лишь общие штрихи. Долго об этом всем <?> спорили, но между мной, с одной стороны, и Дм<итрием> и Зиной, с другой, росло какое-то недоумение. У меня всё накапливалось убеждение, что среди нас две меры. Одна для меня, другая для Зины и Дмитрия. Они всё оперируют в области сознания и воображают, что сознание = бытию. Когда я что-нибудь возражаю, меня обвиняют в бессознательности. Вместе с тем, я всех больше перевернул все свои привычки, весь свой быт, всё-всё. Дмитрий же с Зиной остались с внешней стороны совершенно такими же и думают, что путешествие в области сознания есть путешествие по земле. (Здесь много преувеличен-

ного, но я всё это им говорил уже в озлоблении.) Они даже привычки не изменили, наоборот, Дмитрий их только усилил, а с меня требуют, чтоб я и физиологию изменил, или, по крайней мере, от нее отрекся, не дойдя до этого отречения свободно.

Но дальше пошло еще хуже.

Надо вам сказать, что Дмитрий начал ухаживать за «девицами». За нашей соседкой Марусей Волковой⁹, а потом за Suzanna и Thérèse Pereira¹⁰, подругами Андреевского¹¹. Т.е., конечно, вздор, не ухаживать, а говорить об ухаживании. Ну, вы знаете Дмитрия и рисуете себе картину. Это всё пустяки. Но главное, что он начал разводить целую теорию. Что, мол, он грешен, страсти бушуют. Проституция — это скотоложество, а романтическое ухаживание за барышнями — это *ступень* к полной свободе. А так как он верит (не то что я, Димочка), что круг будет обширный и в круге пол, то и дело в шляпе. Представьте, что я его поощрял в этом! Причин тому много. Во-первых, я ему завидовал. Во-вторых, теория «ступенек» меня подбадривала. В-третьих, Зина была против, а у нас *фатально* всегда двое против одного. Или я с Дмитрием гложу Зину, или Зина с Дмитрием гложет меня. Почему это — не знаю. Ну, словом, я *искренно* был за Дмитрия. Но вдруг меня прорвало. Изложу факты. У нас по субботам днем идиотские <?> «приемы». *Технически* они очень удобны. Дают нам право в остальные дни никого не принимать. Но морально они действуют угнетающе. Толпа ненужных людей. В предпоследнюю субботу было много народу. Бальмонт с женой, племянник Бальмонтихи Сабашников¹² и две барышни Pereira. И вот «пол» заиграл, да ведь как! Дмитрий за одной, Бальмонт за другой, а Зина между двумя, с особыми вожделениями к Сюзанне. Тут и Бодлер, и душа французской женщины и beaux-art'a¹³, словом, весь багаж декадентского романтизма, покрывающего всё то же самое старое, милое и вечное вожделение. Мы с Борей¹⁴ сидели с Бальмонтихой и Сабашниковым, а Дмитрий с Зиной увивались, забыв даже о существовании Бальмонтихи. Это меня прямо *потрясло*. В конце концов, тоже вожделение, только облеченное в культурный комфорт. Проститутку надо искать, идти в ее поганую квартиру, платить, рисковать заразой, менять привычки. А тут — просто и благородно, ухаживания, возбуждаемые говорением о Бодлере и воображением, что всходишь на ступеньку. *Метафизика* спасена. Для Дмитрия Тереза — ступенька, а для Зины Сюзанна — подтверждение ее теории о двуполости¹⁵. Но какая же разница с Бальмонтом, который распаялся на Сюзанну и говорил совершенно такие же пошлости, что Зина и Дмитрий. А если бы явился красивый юноша и я стал бы так же за ним ухаживать? Что сказали бы Зина и Дмитрий? Словом, гром и молния. Зина сейчас же признала мою правоту, а Дмитрий нет, не сдался, и у меня какое-то озлобление к нему еще усилилось, и я еще больше стал доказывать, что среди нас *две* меры, одна для меня, другая для

Дмитрия. Но слушайте дальше. Как-то мы сидели с Зиной. Читали повесть Кузмина в «Весах»¹⁶. По этому поводу она говорит: «а ведь если бы ты пошел в старую церковь, покаялся, тебя бы к причастию не пустили!» Я весь похолодел. И дальше она прибавляет: «Мы вчера с Дмитрием говорили, он говорит, что с такой метафизикой, как у тебя, нам нельзя идти к таинству». Тут уж я окончательно разозлился. «Значит, я вам мешаю. И достаточно мне подписать метафизический вексель, чтоб всё устроилось! Так нет же, не дам векселя. Оставьте тогда меня. Разойдемся. Я это должен свободно решить, без такого страшного насилия. А метафизике я никакой цены не придаю. Лежа на своих зеленях¹⁷, Дмитрий всю метафизику решил, а как только воплощение, так «ступенька» для самооправдания. «Так не хочу же ничего. Оставьте меня».

Словом, озлобление всё больше и больше. Оно еще питается чем. Я, с бесовской медлительностью, всё время говорю. В Петербурге я был в жилетах¹⁸ или в общественности. Я мешал. Но тут я совершенно свободен. От всего отказался. Чего вы от меня хотите? Если у нас все-таки не клеится, то *не только* я же в этом виноват. Виноваты и вы! А вы по старой привычке всё сваливаете на меня, сводите метафизические концы с концами, а на практике «эротоманы и мазурики», как писал Скиф о Зине¹⁹. Жизнь, конечно, всё замазывает, но до сих пор вопрос стоит ребром и для меня не разрешен. Тут еще примешивается и биография. Мне *дорога* моя аномалия, и я ей благодарен. Я твердо знаю, что она мне во многом помогла, потому что почти с детства дала мне большое страдание и заставила задуматься над многим. Без нее я, может быть, окончательно превратился бы в жилет.

Второе осложнение нашей жизни — <обрыв текста?>

¹ Дарья Павловна Соколова — няня сестер Гиппиус, жила вместе с ними; умерла в 1932 г., похоронена на Богословском кладбище в Ленинграде (сообщено А.И. Константиновым).

² Цитата из письма Татьяны к З. Гиппиус от 21 декабря 1906 г.: «По-моему, вы мало о нас заботитесь — доказательство, что Димочка и не подумал написать Даше, хотя, кажется, ясно писала, что невыносимо. Нужно выдернуть почву из-под ног ее, а не озлоблять ее своей личностью, как приходится поневоле делать это мне. К<арташ>ов говорит, что он не уверен, что она его не отравит. И я тоже не уверена, потому что считаю ее больною» (*Amherst. Vox 2. Folder 28*). О сути конфликта см. примеч. 3.

³ Имеется в виду фрагмент письма Т. Гиппиус к З. Гиппиус от 19 декабря 1906 г.: «Нянечка сегодня скандал подняла (как я просила Димочку написать ей письмо! укротить). Тут вышло, в сущности, из-за Ант<она> Владим<ировича>. Не вовремя сказал только: “Да что вы, Даша, ко мне придираетесь?” Она и подняла гвалт: да как вы смеете голос возвышать? Жилец?! “Молчать!” — я на нее закричала, выпихнула за дверь, и дверь стала закрывать. А она ведь, что ты думаешь? Это зачем я перед ним ее унижаю, за К<арташ>ова зачем заступилась, — так она на меня драться — как петух, орет, как торговка. Я уж только бы кончить эту гнусь (разошлась, так не кончила). Прошу К<арташ>ова замолчать, хоч, чтоб он ушел, а он ее убеждает спокойным тоном, а она на него: “Хам! Дурак!” — дрожащим злобным голосом.

Я уж его взяла и посадила: что с сумасшедшей делать. Боюсь еще нервный припадок сделается, вся красная. Говорю, не обращайтесь, пожалуйста, внимания, делайте что надо, а с ней мое дело разговаривать: вы видите — больной человек. Я просила Дм<итрия> Владим<ировича> написать, чтоб помочь переменить ее психологию на сожительность его (К<арташ>ова) с нами; неужели так трудно было *сейчас* же написать. Это пустяки для него, а тут в такой мерзости купаться я не намерена. Куда я ее вышвырну — на улицу, что ли? Конечно, ничего она изменить не может, но я не имею права заставлять Ан<тона> Влад<имировича> терпеть подобную ругань. Я чувствую ответственность за свои домашние достояния. <...> А Димочка молчит, не помогает» (*Amherst*. Box 2. Folder 28). Письмо Карташева Мережковским по поводу произошедшего скандала с просьбой об участии в нормализации отношений см.: Письма А.В. Карташева к З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковскому и Д.В. Философому // *Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. С. 669–671.

⁴ Наталья Николаевна Гиппиус.

⁵ По-видимому, Философов подразумевает пассаж из письма Т. Гиппиус от 18 декабря 1906 г.: «Я думаю, что Ната если бы была мужчиной, то была бы Димочкой. И я думаю, что она ненавидела бы себя, презирала бы, ненавидела б женщин. И, может быть, пришла бы к самоубийству. Ты знаешь — у нее яркое ощущение тайны к худу. Нельзя осуждать» (*Amherst*. Box 2. Folder 28).

⁶ В письме от 21 декабря 1906 г. Т. Гиппиус жаловалась сестре на захлапленность квартиры: «Сколько у нас сундуков, укладок, чужих вещей, которые мы не имеем права выбросить <...> что-то гигантское. О Твоих картонках я уже писала: какие-то шляпы всё, тебе не нужные, в комодке тоже» и т.д. (Там же).

⁷ Реминисценция из романа Ф.М. Достоевского «Бесы» (1872), речь идет о Шатове и Кириллове, см. разговор Шатова со Ставрогиним (Ч. 2. Гл. 1: Ночь. IV): «В Америке я лежал три месяца на соломе, рядом с одним... несчастным, и узнал от него, что в то же самое время, когда вы насаждали в моем сердце бога и родину <...> в те же самые дни, вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка, Кириллова, ядом... Вы утверждали в нем ложь и клевету и довели разум его до иступления...»

⁸ Философов имеет в виду эротическую утопию Н. Гиппиус, которую она изложила в письме к З. Гиппиус от 11 сентября 1906 г. (*Amherst*. Box 3. Folder 18), после чего этот текст стал предметом домашнего дискурса Мережковских: «Во-первых, я хочу, чтобы не было ни мужчин, ни женщин, а были бы однополюе все. Т<о> е<сть>, чтобы всем были даны одинаковые возможности. Существовали бы мужские и женские начала, но они могли бы *физически* воплощаться в одном человеке. Если бы у меня, предположим, не хватало женского элемента, я чувствовала, знала бы, что *физически* могу его иметь <...>. Ели бы ровно столько, сколько надо, всё бы рассосалось, наружу не выходило. Но в случае — переешь, то выплевывал бы обратно, потому что не вошло бы. Желаящие иметь детей ели бы особую траву. Есть было бы чрезвычайно приятно и рождасть безболезненно. При этом живот бы не рос, потому что раз внутренностей нет, то и места довольно было бы для ребенка. Тага жестоко издевалась или вернее хохотала над моим проектом, как старики траву едят. Говорит, скука дохла была бы. А мне так несколько не скучно, а очень чисто. Теперь гораздо скучнее и главное — бесконечнее. <...> Всё, что говорено относительно “пола”, могу понять наружно, не до дна, неодобрительно, в глубине желая стариков, поедающих траву» (Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневного» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М. М. Павловой // Эротизм без берегов. Сб. статей и материалов. М., 2004. С. 400).

⁹ Мария Петровна Волкова (1886–1969) — дочь действительного статского советника П.П. Волкова и фрейлины, графини Марии Николаевны Мусиной-Пушкиной. Сведения о ней см. в примеч. к кн.: *Гиппиус З.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 16 (доп.): Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь и работа. С. 436. О платонической любви Мережковского к Марусе см.: Там же. С. 170–171. Гиппиус называет ее «пушкинской Машей», подчеркивая сходство внешнего образа с героиней «Капитанской дочки».

Сохранились письма М. Волковой к Мережковскому (*Amherst*. Вох 4. Folder 36, 37) и к З. Гиппиус (Там же. Вох 3. Folder 8).

¹⁰ Suzanna и Thérèse Pereira — сведениями об этих лицах мы не располагаем.

¹¹ Сергей Аркадьевич Андреевский (1847–1918) — юрист, поэт-переводчик, автор оригинального сборника «Стихотворения» (СПб., 1886) и «Книги о смерти» (впервые: Ревель, 1922). О дружбе с Андреевским Гиппиус рассказала в очерке «Благоухание седин» (впервые: Современные записки. 1924. № 21), вошедшем в книгу воспоминаний «Живые лица» (впервые: Прага, 1925), а также в автобиографической новелле «Три дамы сердца» (между 1899 и 1904), подробнее см. в нашей публикации: *Гиппиус З. Три дамы сердца*. [Рассказы] // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 6–8, 20–21.

¹² Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942); Екатерина Дмитриевна Бальмонт (урожд. Андреева, 1867–1950) — переводчица, мемуаристка, вторая жена поэта; ее племянник — Алексей Васильевич Сабашников (1883–1954), агроном, агробиолог, антропософ, брат М.В. Сабашниковой; в 1905–1907 гг. учился в Лейпциге.

¹³ beaux-art'a (*фр.*) — изобразительное искусство.

¹⁴ Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934) приехал в Париж 1 декабря 1906 г. из Мюнхена и оставался там до конца февраля, в Россию вернулся в первых числах марта 1907 г.

¹⁵ Имеется в виду теория андрогинности З. Гиппиус, во многих пунктах восходящая к идеям Отто Вейнингера, изложенным в книге «Пол и характер. Принципиальное исследование» (1902) и работе Вл. Соловьева «Смысл любви» (1892–1894). Наиболее последовательно эротическая концепция Гиппиус представлена в статьях «Влюбленность» (1904), «Зверобог» (1908); «О любви» (1925), «Арифметика любви» (1931), «Развод?» (1932), «Брак писателя» (1933), а также в интимных дневниках (“*Contes d’amour*” и др.).

¹⁶ Повесть М. Кузмина «Крылья» опубликована в ноябрьском номере журнала «Весы» (1906. № 11).

¹⁷ *Зеленя* — слово из домашнего обихода Мережковских, значение его неясно, по-видимому, так называли тахту или диван, обитый зеленым сукном.

¹⁸ Т.е. в роли человека, с которым все хотят поделиться своими проблемами, «поплакаться в жилетку».

¹⁹ Речь идет о рецензии: *Скиф Н.* [Соколов Н.М.] З.Н. Гиппиус «Не то. (Ненужная история)». *Весы*. 1906. № 6 // *Русский критик*. 1906. № 9. С. 310–315 (цитата на с. 312).

Литература

Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 391–455.

Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция / Под ред. М.А. Колерова; вступ. статья М.М.Павловой; пер. с фр. О.В. Эдельман; подгот. текста Н.В. Самовер. М.: ОГИ, 1999. 224 с. (Исследования по истории русской мысли / Под общ. ред. М.А. Колерова. Т. 4).

Павлова М.М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т.Н. Гиппиус). Статья 1 // *Русская литература*. 2017. № 3. С. 222–242.

Павлова М.М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т.Н. Гиппиус). Статья 2 // *Русская литература*. 2017. № 4. С. 166–194.

Павлова М.М. Материалы к творческой биографии Т.Н. Гиппиус (По «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 109–144.

Пахмусс Т.А. Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Filosofova и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1997. М.: Наука, 1998. С. 70–101.

Соболев А.Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб.: Феникс, Atheneum, 1992. С. 319–371.

Pachmuss T. *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. Из переписки З.Н. Гиппиус. München: Fink, 1972. 784 s.

References

Istorii “novoi” khristianskoi liubvi. Eroticheskii eksperiment Merezhkovskikh v svete “Glavnogo”: iz “dnevnikov” T.N. Gippius 1906–1908 godov [Stories of “new” Christian love. The Merezhkovskys’ erotic experiment in light of the “Main Thing”: From T.N. Gippius’ “diaries” for 1906–1908], intro., text ed., comment. M.M. Pavlova. *Erotizm bez beregov: Sb. statei i materialov* [Eroticism without shores. A collection of essays and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, pp. 391–455. (In Russ.)

Merezhkovskii D., Gippius Z., Filosofov D. *Tsar’ i revoliutsiia* [The Tsar and revolution], ed. M.A. Kolerov, intro. M.M. Pavlova, transl. from French O.V. Edel’man, text ed. N.V. Samover, series: Issledovaniia po istorii russkoi mysli [Studies on the history of Russian thought], ed. M.A. Kolerov, vol. 4. Moscow, OGI Publ., 1999. 224 p. (In Russ.)

Pachmuss T. *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. Iz perepiski Z.N. Gippius*. München, Fink, 1972. 784 p. (In English and Russ.)

Pachmuss T.A. Stranitsy iz proshlogo: Perepiska Z.N. Gippius, D.V. Filosofova i blizkikh k nim v “Glavnom” [Pages from the past: Correspondence of Z.N. Gippius, D.V. Filosofov and those close to them in the “Main”]. *Pamiatniki kul’tury. Noveye otkrytiia. Pis’mennost’. Iskustvo. Arkheologiia. Ezhegodnik 1997* [Monuments of culture. New discoveries. Writing. Art. Archeology. Annual 1997]. Moscow, Nauka Publ., 1998, pp. 70–101. (In Russ.)

Pavlova M.M. K istorii neokhristianskoi kommuny Merezhkovskikh (na materiale “dnevnikov” T.N. Gippius). Stat’ia 1 [A case study of the Merezhkovskys’ Neo-Christian Community (Through the “Diaries” of T.N. Gippius). Article 1]. *Russkaia literatura*, 2017, no. 3, pp. 222–242. (In Russ.)

Pavlova M.M. K istorii neokhristianskoi kommuny Merezhkovskikh (na materiale “dnevnikov” T.N. Gippius). Stat’ia 2 [A case study of the Merezhkovskys’ Neo-Christian Community (Through the “Diaries” of T.N. Gippius). Article 2]. *Russkaia literatura*, 2017, no. 4, pp. 166–194. (In Russ.)

Pavlova M.M. Materialy k tvorcheskoi biografii T.N. Gippius. (Po “dnevnikam” khudozhnitsy 1906–1908 gg.). Stat’ia 1 [Materials for the creative biography of Tatyana Gippius (Based on the artist’s “diaries” for 1906–1908). Part I]. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 109–144. (In Russ.)

Sobolev A.L. Merezhkovskie v Parizhe (1906–1908) [The Merezhkovskys in Paris (1906–1908)]. *Litsa: Biograficheskii al’manakh* [Faces: Biographical almanac], issue 1. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1992, pp. 319–371. (In Russ.)

Dmitry Filosofov's letter to Tatyana Gippius

(From comments to T. Gippius' diary letters of 1906–1908)

© 2020, Margarita Pavlova

Abstract: The publication introduces into scientific circulation an unknown letter from Dmitry Filosofov to Tatyana Nikolaevna Gippius (1877–1957) from the Merezhkovskys collection in the Amherst Russian Center (Massachusetts, USA). The document refers to the period of the Merezhkovskys and Filosofov's Paris emigration in 1906–1908, being a fragment of the extensive family correspondence of the period, in which Filosofov participated as a family member. The larger part of correspondence consists of the so-called “diaries” of T.N. Gippius (her almost daily letters-reports to Paris), in which a chronicle of the inner life of the Merezhkovskys' neo-Christian commune is traced. Response letters have been lost, with a few exceptions. Filosofov's letter to T. Gippius captures a remarkable fact of the epistolary dialogue and relations of correspondents, contains a real commentary on a number of plots of “diary” letters, and introduces new additional touches to the picture of the Merezhkovskys and Filosofov's Parisian life in 1906–1908.

Keywords: Tatyana Gippius, Dmitry Filosofov, the Merezhkovskys, diary letters, Neo-Christian commune.

Information about the author: Margarita Pavlova, Doctor Hab. in Philology, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: mpavlova@gmail.com

Citation: Pavlova Margarita. Dmitry Filosofov's letter to Tatyana Gippius (From comments to T. Gippius' diary letters of 1906–1908). *Literaturnyi fakt*, 2020, no 2 (16), pp. 229–242. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-229-242